

НАУКА И ОБЩЕСТВО

И.Т. Касавин

Междисциплинарные исследования и социальная картина мира

Понятие социальных технологий сегодня используется для обозначения универсального механизма построения социальной онтологии – сферы, в которой артефакты, техника, культура и социальность сливаются воедино. Современная динамика научного знания почти тотально определяется именно взаимодействием с данной сферой, и при этом синкретическому многообразию социальной онтологии соответствуют новые формы научной деятельности и коммуникации, выраженные в понятии междисциплинарности. Междисциплинарность оказывается особого рода социальной технологией научных исследований, одновременно проектирующей определенные фрагменты социальной онтологии.

Ключевые слова: знание, наука, культура, социальная онтология, междисциплинарность, социальные технологии

Сегодня наука и техника во многом определяет образ и реальность мира, в котором мы существуем. Достижения технауки осмысливаются философами и публицистами, в то время как ее механизмы формирования и развития остаются во многом за пределами внимания. В частности, это касается вопроса о новых формах социальности, в которых происходит бытие науки и техники: это тема онтологического сдвига, делающего возможным то, что В.С.Стёпин именует «постнеклассической рациональностью». К этому примыкает тема новых функций философии в технаучном мире, в котором самодостаточность философии становится неразрешимой проблемой и философии приходится адаптироваться к миру, не демонстрирующем явной потребности в ней самой.

* * *

Итак, мы уже привыкли к тому, что живем в искусственном мире, мире культуры и только во вторую очередь и при посредстве культуры – в мире природы. Культура, понятая как вторая природа, – образ, известный, по крайней мере, со времен К.Маркса. В наши дни культура приобретает вид универсальной техники, призванной продолжить и усовершенствовать природу человека, освободить его. Однако всякий предмет, созданный человеком и в его целях, обладает способностью обособиться от своего творца и обрести незапланированные и даже враждебные ему свойства. Отсюда проблематичность свободы, достигаемой человеком за счет техники.

«Сейчас обнаруживается то, что Ницше уже метафизически понимал, – что новоевропейская “механическая экономика”, сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно и для любых целей. Требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине, то есть которое дает существу техники целиком овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные процессы и возможности»¹.

Эта мысль М.Хайдеггера о технологизации самого человека имеет многообразные следствия, в частности, для понятия «социальные технологии» (СТ), которое становится особенно популярным в социально-политическом дискурсе наших дней. Ниже мы попробуем использовать его для анализа условий познания, связав с понятием междисциплинарности.

К терминологии и причинам ее туманности. Тотальная власть техники проявляется сегодня, среди прочего, в мощном мировоззренческом влиянии того, что можно назвать «техномифами». Это накладывается на слабую философско-методологи-

ческую проработанность популярных концептов современного технодискурса и порой приводит к частичному отождествлению социальности и техники (в рамках дисциплины «Social Studies of Science and Technology»), **социальности и компьютерной коммуникации** (чему служит понятие «social software»), техники и знания (известное понятие «общество знания», или «knowledge society»). В этом схватывается нечто весьма важное для современности, а именно, коммуникативная природа техники и технологии, преувеличение роли которой, однако, граничит с ее очеловечиванием, с заменой человека как социального и культурного субъекта техническим устройством в тех измерениях, которые в принципе не подлежат этому. Мы не будем поднимать здесь тему «бунта против машин», которая в разные эпохи отмечена своими историко-культурными особенностями, но лишь еще раз обратим внимание только на неустранимость различия между творцом и продуктом, о котором скажем ниже.

К типологии и определению СТ. Парадокс труда как процесса может быть схвачен в образе «черного ящика»: из природы субъекта труда и характера процесса нельзя вывести характер продукта. Природа СТ отличается тем же: ее продуктом может быть что угодно, но всегда нечто, несводимое к самой ее структуре. Отсюда несостоятельность попыток дать типологию СТ по их предмету или продукту. Какие же СТ можно себе все же помыслить? Начать нужно с того, что СТ представляет собой интегральное понятие, объемлющее собой целый класс социальной активности человека. В сущности, сфера разработки и реализации СТ очерчивается некоторыми общими концептуальными парами типа «формируемое-стихийное», «труд-рекреация», «профессиональное-дилетантское». Из этого вытекает общее понимание СТ как *форм и способов профессиональной трудовой деятельности по формированию и управлению социальными процессами, группами и отдельными индивидами*. В чем же специфика такой деятельности?

Во-первых, на поверхности находится связь СТ с социальными науками: это многообразие социальных практик, порождаемое ими. Примерами могут служить психотерапевтическая помощь, социологические опросы, судебный процесс, практики языкового перевода, консультирования, менеджмента и т. п. Второе основание для выделения СТ – это то, что они характеризуются именно

специфической природой человеческой деятельности (психосоматическими навыками и приемами, языком, мыслительными и эмоциональными процессами), а не используемыми искусственными орудиями, приборами, приспособлениями. Кроме того, природа и значение технологии вообще определяется тем, как она используется – как безличный алгоритм операций или субъективно окрашенная деятельность. СТ – это технологии, в которых важное место занимает субъект с его знаниями и убеждениями, навыками и привычками, языком и традициями.

Наконец, в качестве третьего основания мы возьмем собственно социальную функцию СТ – их способность опосредовать собой формирование и внутреннюю регуляцию деятельности социальных групп. Представляется, что как раз эти свойства СТ не учитываются в доминирующих подходах к анализу техники, которые исходят из ее понимания как формы власти человека над природой и противопоставляют технику и социальность.

Имеет смысл дать перечень трех групп понятий, в контексте которых СТ могут получать свое определение и проблематизацию. Это а) «социальное проектирование», «социальное конструирование», «управление», «обучение», «экспертиза», «программирование сознания», «социальная инициатива»; б) «свобода», «коммуникация», «ситуация», «информация», «субъективность»; в) «социальный институт», «организация», «бюрократия», «технократия», «общество знания» и некоторые другие. Первая из них включает уже хорошо известные формы СТ, вторая – предпосылки СТ, а третья относится к возможным заказчикам и сферам реализации СТ.

В целом можно сказать, что философская разработка понятия «СТ» вносит вклад в современное переосмысление понятия «*социальный субъект*», исключительно важного для социальной эпистемологии.

К российским предпосылкам проблемы: критика и апология СТ. СТ – это предмет, который вызывает не только концептуальные вопросы. Вопрос «*cui prodest*» («кому выгодно» – *лат.*) является актуальным отнюдь не только в российских условиях существования СТ. Кому нужны в нашем обществе СТ, кто способен их использовать и финансировать? Это вопрос о том, в чем нуждается Россия в первую очередь: в открытости, в свободе ин-

формации и волеизъявления, в контроле над властью или – в механизмах эффективного управления массами, в способах властного воздействия на общественное сознание. СТ – острое оружие, и его разработчики несут ответственность за его распространение и применение. С самого начала должно быть ясно, каковы цели их использования. Сегодня мы знаем, как и для чего в основном нужен такой вид СТ, как политтехнологии, синонимом которых фактически стали «грязные технологии». Не следует ли предварить использование СТ развитием общей культуры народа? Но можно ли развивать культуру без применения СТ? Эти вопросы обретают неожиданное значение применительно к развитию науки в современном обществе, в условиях капиталистической конкуренции и искаженного политического образа ученого и научной деятельности.

Социальные ракурсы междисциплинарности. Одна из главных черт современной науки переднего края и интеллектуальной деятельности вообще выражается понятием междисциплинарности. В отличие от дисциплины, которая символизирует синхронный срез развития науки как социального института, междисциплинарное взаимодействие – диахронный и эмерджентный момент, характеризующий выраженную динамику и ведущий к новым формам организации научного знания. В этом смысле *междисциплинарность, полидисциплинарность и трансдисциплинарность являются социальными механизмами конструирования науки, которые не только соответствуют нашему пониманию СТ, но и являются их репрезентативными и эвристическими примерами.*

В интерпретации междисциплинарных исследований (в дальнейшем – м-исследования) сегодня противостоят друг другу две позиции, каждой из которых привержен широкий круг авторов. Одна из них наиболее рельефно выражена Э.Мирским, другая – молодыми западноевропейскими исследователями К.Хайнцем и Г.Оригги.

Нам уже приходилось анализировать концепцию Э.М.Мирского². Для нее характерно понимание «нормальной науки» как, прежде всего, дисциплинарной деятельности. Что же касается м-исследований, то они рассматриваются как форма маргинальной активности, существенным образом зависимой от дисциплинарных матриц. М-взаимодействие понимается, в та-

ком случае, как отношение между системами дисциплинарного знания в процессе интеграции и дифференциации наук, а также как коллективные формы работы ученых разных областей знания по исследованию одного и того же объекта. В дальнейшем, как указывает Э.М.Мирский, междисциплинарность была концептуализирована в основном как проблема организации исследовательской практики и перевода ее результатов в форму дисциплинарного знания (д-знания), которое подлежит дисциплинарной же экспертизе. В первую очередь это относилось к прикладным типам знания в рамках крупных исследовательских проектов³. Таким образом, м-исследованиям отводилась роль промежуточного и инструментального звена в цепочке «д-знание»→«м-знание»→«д-знание». Вооруженные дисциплинарным знанием ученые в ряде случаев попадают в ситуацию, когда они вынуждены взаимодействовать со своими коллегами из других научных областей. Эта ситуация, как правило, обусловлена внешними для науки (социальными, политическими, экономическими) потребностями, которые требуют решения некоторых прикладных задач. Для этого ученые формируют общее теоретическое и эмпирическое пространство исследования так, чтобы, занимаясь каждый своим делом, иметь возможность помогать друг другу. Но как только искомый прикладной результат достигнут, ученые «расходятся по домам», т. е. уносят с собой добытые крупницы д-знания, которые могут быть поняты и приняты их коллегами и способные обогатить их дисциплину.

В такой схеме м-знание имеет достаточно слабый и неопределенный эпистемологический статус. В лучшем случае м-результаты могут служить иллюстрациями практической эффективности д-знания, но как таковые не предполагают включения в системы д-знания со всеми вытекающими отсюда следствиями. По сути, м-исследования остаются с такой точки зрения чужеродным, внешним, конъюнктурным образованием в теле «настоящей» науки и не столько продвигают вперед наши знания о мире, как он есть, сколько помогают выживать академическим ученым в условиях недостаточного финансирования. Одновременно они являются прибежищем тех, кто не преуспел на ниве д-знания и может «халтурить» в других научных областях и вообще за их пределами, где его компетенция никем не ставится под вопрос.

Существенно иной образ м-исследований складывается в последних публикациях международных веб-сообществ, занимающихся широким кругом проблем, в основном в области гуманитарных и общественных наук. Так, например, семинар под характерным названием «**Rethinking Interdisciplinarity**» [www.interdisciplines.org] работает в Париже с апреля 2003. Его основной состав – это сотрудники Института Жана Нико (Institut Jean Nicod, Paris), кредо которого в том, чтобы служить междисциплинарной лабораторией для взаимодействия гуманитарных, общественных и когнитивных наук. Модераторы этого семинара, Кристофер Хайнц⁴ и Глория Ориggi⁵ подчеркивают, что его целью как раз и было разработать особые средства для анализа и продвижения м-исследований, рассмотреть их дефиниции, вопросы организации, оценки и перспектив. Такого рода сетевые мероприятия создают виртуальное место, где исследователи из разных областей и дисциплин могут встречаться и дискутировать. Дискуссии, которые до этого были ограничены институциональными рамками, отныне выходят за их пределы. Во многом это обязано интернету как специфическому «публичному пространству». Опыт таких семинаров помогает понять, как формируются междисциплинарные проекты, какие отношения их характеризуют, как строится их обоснование, а также какое влияние они оказывают на т. н. мейнстрим, т. е. дисциплинарную науку.

Примечательно, что целый ряд известных европейских ученых, социологов и философов науки приняли участие в работе этого семинара, размышляя и дискутируя о природе междисциплинарности. Исходным пунктом анализа явилась группа сходных понятий, таких как меж-, транс- и мультидисциплинарность. Наиболее спорным является последнее. Хельга Новотны отнесла его к особой форме производства знания при трансгрессии. (Трансгрессия – одно из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего – границы между возможным и невозможным: «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» (М.Фуко), «преодоление непреодолимого предела» (М.Бланшо) дисциплинарных границ.) Базараб Николеску и Эдгар Морен придали большее значение трансдисциплинарности как самому объемлющему образованию, выходящему за узкие пределы д-исследования. Для прояснения вопроса

особую роль сыграл исторический экскурс Яна Хакинга по поводу понятия «дисциплина» и описание социально-политической роли дисциплинарности в структуре научно-исследовательских институтов (Стив Фуллер). Результаты работы этого семинара представляются важными, поскольку их влияние сказалось и на других аналогичных проектах. Автору этих строк пришлось в течение ряда лет руководить такого рода проектом в рамках программы «**Global Perspectives on Science & Spirituality**» **Парижского Междисциплинарного университета**, в которой активное участие принял французский физик Базараб Николеску, американский физик Пранаб Дас, английский биолог Полин Рэдд, американский теолог и философ Филипп Клейтон и ряд других ученых и гуманитариев более чем из 10 стран.

Междисциплинарность: наука и общество. Как и Э.М.Мирский, участники семинара считают, что последние полтора века большая часть м-исследований имела место в прикладных контекстах. При этом цели и объекты наиболее инновационных исследовательских проектов оказывались результатом переговоров между большим количеством заинтересованных сторон. И здесь уже приходится выходить за пределы рассмотрения науки как чисто теоретической деятельности, как языковой игры. Этот взгляд оказывается слишком узким для того, чтобы вместить в себя сложные коммуникации таких разных субъектов как ученые, организаторы науки, политики, частные инвесторы, государственные или муниципальные чиновники и прочие субъекты, занятые проведением технических инноваций в обществе. Противоречие между потребностью в автономных стандартах научности и вовлеченностью науки в общество ставится в таком случае в центр дискуссий. Как обеспечить демократический доступ граждан к науке? Как задать независимые критерии оценки и контроля качества науки, существующей в глобальном контексте демократического (и не очень демократического) общества? В частности, С.Фуллер подчеркивает такие недостатки как краткосрочность и локальность тематики исследований, непосредственно зависящих от социальных заказов. Х.Новотни, напротив, доказывает, что участие граждан может приводить к плодотворным исследованиям. Таким образом, ракурс междисциплинарности представляет собой решительный уход от взгляда на науку как «башню из слоновой кости», или своего рода «Касталию», если использовать известный об-

раз Г.Гессе. Более того, при этом наука оказывается не просто «невидимым колледжем», научным сообществом; это уже общество в миниатюре, ячейка, структура и функции которой в полной мере выражают собой отношения объемлющего социального целого. Идея междисциплинарности выступает как решительный шаг за пределы образа науки Т.Куна, который предстоит осмыслить и обосновать современным социальным эпистемологам.

Междисциплинарность и инновация. Научная и социальная актуальность понятия междисциплинарности определяется не в последнюю очередь его связью со столь же популярным понятием инновации. Так, по мнению Дэна Спербера⁶, м-исследования как раз оказываются вызовами – иной раз радикальными – для участвующих дисциплин, поскольку часто приводят к возникновению инноваций. Но всякая ли научная инновация есть продукт только м-исследований? Представляет ли инновация фундаментальный критерий для понимания и доступа к м-исследованию? Инновационный аспект м-исследования обнаруживается благодаря его мимолетному характеру, когда оно выполняет функцию открытия аномалии или контрпримера, в терминологии Т.Куна. Ставя д-знание под вопрос, м-исследование в дальнейшем может и утратить эту способность, как скоро успешное м-исследование в состоянии привести к формированию особой дисциплины. Более того, междисциплинарная инновация, являясь продуктом не только научной кооперации, в большей степени, чем какая-либо другая, обладает социально-ориентированным характером. В ней сильно выражен результат социальных переговоров, и в этом смысле она выступает продуктом не столько науки, сколько СТ.

Процесс оценки М-исследований. М-исследование по-новому проблематизирует понятие экспертизы. Понятие рецензируемости (peer review) предполагает, что вас оценивает тот, кто работает над той же или сходной темой. Однако что делать, если такого эксперта нет? Ведь результат м-исследования, как правило, выходит за пределы того, что можно получить, работая в рамках некоторой дисциплины. В таком случае и экспертиза должна представлять собой междисциплинарный синтез. Однако обычно экспертная оценка научного результата в случае содержательных затруднений использует критерии второго порядка – например, формальный подсчет публикацией в особого типа влиятельных

(или «рецензируемых») журналах (**high-impact journals**), именно потому, что никто не в состоянии иначе оценить значение исследований. Впрочем, последнее время этот способ подвергается серьезной критике в ряде научных сообществ: постепенно достигается понимание необходимости содержательной оценки любого научного результата, сколь ли бы сложной она ни была. Как же должна строиться м-экспертиза? Решает ли проблему процедура синтеза компетенций разных рецензентов? Ведь в данном случае речь идет не о предметном исследовании, а о его оценке, т. е. рефлексивной деятельности по поводу условий, предпосылок, методов, норм, идеалов научного познания. Каковы же должны быть нормы, управляющие такого рода сложной социальной формой деятельности в современной науке, которую с полным правом можно именовать СТ? Но, может быть, СТ вообще не являются формой эпистемической деятельности (С.Фуллер)? Идет ли вообще речь об эпистемологии, когда мы говорим и о междисциплинарности? Или же здесь мы сталкиваемся с необходимостью несколько расширить наше понятие знания?

Междисциплинарность в информационном обществе. Вопрос о том, как интернет влияет на научное познание, сегодня широко обсуждается. В особенности это релевантно для м-исследований и понимания особых форм их социального бытия. Принято считать, что м-исследования в точном смысле слова не имеют собственных институциональных форм, подобных дисциплинарным институтам. Успешные и эффективные м-исследования могут приводить к образованию д-структур (геофизика, кибернетика, социолингвистика, педагогика, страноведение), а могут оставаться на уровне неформальной коммуникации и методологических «подходов» (синергетика, виртуалистика, искусственный интеллект, теория катастроф). Организации же, позиционирующие себя как принципиально междисциплинарные, как правило, вообще не являются научными институтами в традиционном смысле: они не располагают постоянным помещением, штатом сотрудников, регулярным финансированием, но выполняют отдельные проекты на основе грантов (таков, например, Парижский междисциплинарный университет – **Université Interdisciplinaire Paris**). Однако если вспомнить, какую роль в формировании современного естествозна-

ния играли такие личности-медиаторы, как Морен Мерсенн или Беттина фон Арним, то в сферу социального бытия науки попадут вообще присущие ей коммуникационные структуры.

Так и сегодня интернет порождает «мягко связанные» между собой онлайн-исследовательские сообщества, работающие с помощью электронных публикаций, форумов и сайтов и позволяющие снизить затраты на организацию в более институционально жестких структурах. Как эти новые СТ влияют на качество исследований? Специфическими чертами онлайн-меж- и трансдисциплинарных сообществ является то, что они объединяются актуальной проблемой, а не долгосрочными тематическими планами, по которым работают обычные научно-исследовательские центры. Отсюда высокая степень разнородности подходов и методов онлайн-сообществ, их свобода по отношению к научным традициям, неопределенная связь с процессом обучения, а также сниженная строгость взаимных обязательств участников.

Использование поисковых машин также вносит изменения в дисциплинарную структуру науки. Поиск по ключевым словам игнорирует дисциплинарные рамки, и то обстоятельство, что публикации в дисциплинарных журналах сегодня сопровождаются набором **key words**, **есть без сомнения уступка междисциплинарному веб-сообществу**. Ключевые слова создают общее интеллектуальное поле, в котором поиск, выбор и комбинация идей осуществляется независимо от стандартных дисциплинарных границ. При этом возникает вопрос: не приводит ли само использование ключевых слов и поисковых машин к новой классификации областей знания?

Все это наводит на мысль, что понятие м-структуры как социальной формы знания не лишено смысла. Ведь даже первоначальная идея университета – это образ междисциплинарного взаимодействия в стационарных условиях обучения и исследования, пусть это и не согласуется с позицией М.К.Петрова, подчеркивавшего его дисциплинарную функцию. К примеру, философские факультеты в университетах Германии нередко и сегодня объединяют философов и филологов, историков, социологов, этнографов и психологов, а факультеты естественных наук небольших частных американских университетов включают кафедры физики, химии, биологии и математики. Иное дело, что изначальная цель дости-

жения единства наук под сенью университета в наши дни оказывается утопичной. Институциональная поддержка м-исследований выглядит необоснованной благотворительностью (финансовой и кадровой, прежде всего) для руководителя любого научного подразделения в рамках конкретной дисциплины.

Эпистемологические проблемы м-исследований. Эпистемология м-исследований относительно слабо разработана⁷. В общем виде ясно, что м-исследования предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, приводящей к резкому расширению и гетерогенизации сферы фактов по сравнению с д-исследованием. Особому характеру м-эмпирии сопутствует и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другой. Этот никогда не заканчивающийся процесс идет в поисках постоянных уточнений и кажется подлинным воплощением тезиса У.Куайна о невозможности радикального перевода. Неустранимость из м-исследований диалога характеризуется выраженной асимметричностью при обмене результатами; одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию. Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие происходит в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах, несводимых к д-результатам, то таковые обладают не столько объектной, сколько коммуникативной природой, т. е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования и конструирования. В этом смысле м-исследование еще раз обнаруживает свой СТ-характер и фактически смыкается с м-экспертизой.

Картина мира социальной реальности. Проблемы междисциплинарности и социальных технологий очевидным образом упираются в современную непроработанность понятия «социальная картина мира». В этой связи дискуссия о книге академика В.С.Стёпина, прошедшая в журнале «Вопросы философии», затронула целый ряд важных проблем, которые требуют более основательного обсуждения⁸. Я коснусь здесь лишь одного вопроса, который наиболее важен для меня. Речь идет именно о картине социальной реальности и, соответственно, о специфике такого по-

нения как картина мира вообще. Насколько я понимаю, картина социальной реальности, или, как я бы ее назвал, социальная картина мира – одна из тех новаций Вячеслава Семеновича, которая сформулирована в последние годы. Она призвана обобщить работы автора, посвященные социальной философии и философской антропологии. Одновременно она содержит определенный потенциал для того, чтобы по-новому высветить междисциплинарную роль философии в системе социально-гуманитарного познания.

Е.А.Мамчур, выступая в вышеуказанной дискуссии, заметила, что физическая, или всякая естественнонаучная картина мира – это просто онтология, производная от наиболее успешной теории. В.С.Стёпин не согласился с этим определением. В самом деле, оно не учитывает то принципиальное различие научной теории и научной картины мира, которое он обосновывает начиная с середины 1970-х гг. и которое в сущности является реальным философско-методологическим открытием. Физический смысл формул задается, как известно, двумя способами. Обычно это путь эмпирической (операциональной) интерпретации или, когда экспериментальное обоснование отсутствует, путь семантической интерпретации при использовании содержательных характеристик реальности, сложившихся в культуре (атомы, корпускулы, флюиды, силы, поля и пр.). Важно подчеркнуть отсутствие собственно логических отношений между понятиями картины мира и формулами теории: они принадлежат к разным концептуальным каркасам. Формулам соответствует набор идеальных объектов, а элементы картины мира соотносятся – с той или иной степенью опосредованности – с универсалиями культуры. Более того, теория может быть создана отдельным ученым («Математические начала натуральной философии» Ньютона), в то время как картина мира – в значительной степени плод многолетней интеллектуальной деятельности целого сообщества (атомизм). Однако на вопрос «Какова физическая картина мира атомизма?» не так легко ответить, поскольку одновременно существовало немало версий этого учения, различающихся в понимании объектов и их взаимодействиях. Исторически корректная конфигурация физической картины мира – итоговый продукт труда представителей несколько иного сообщества, не самих ученых, а историков и философов науки (значительный вклад принадлежит и выдающимся ученым, размышлявшим об общих вопросах науки).

Что следует из этого для понимания научной картины социальной реальности? Она, конечно же, обладает своей спецификой, на что намекает своими вопросами Н.М.Смирнова. Однако в чем же она? Социологи, экономисты, политологи, психологи создают определенные теоретические концептуализации, но они далеко не всегда соотносят их с системой идеальных объектов и, как правило, не задумываются о том, как их теории вписываются в общее представление о социуме и культуре. Поэтому в том смысле, в котором говорят о теориях естественных наук, гуманитарии не создают ни теории, ни социальной картины мира. Ведь они сталкиваются с серьезными трудностями в обосновании своих теорий, поскольку эмпирический базис социально-гуманитарных наук обладает существенным своеобразием. Социальные эксперименты обычно неповторимы, часто имеют лишь отрицательный исход, а если они оказываются успешными, то относятся к чрезвычайно локальной ситуации, которая не поддается обобщению. Еще чаще социальные теории опираются на достаточно условную статистическую информацию, возможность экстраполяции которой неочевидна, или вообще на некоторые непроясненные обыденные представления. Отсюда особое значение такой картины реальности, которая не в полном смысле отвечает строгим критериям научности. Она соответствует, скорее, определенным интуициям по поводу совместного социального опыта, «коллективных представлений» (Э.Дюркгейм), «коллективного бессознательного» (К.Юнг) и «повседневной реальности», «естественной установки» (А.Шюц). Отсюда и незаменимая роль философа и историка науки, которые и конфигурируют (конструируют?) ее основные параметры.

Поэтому Вячеслав Семенович, как мне представляется, не совсем последователен, когда настаивает на формулировке «научная картина социальной реальности». Да, эта картина востребована учеными, без нее невозможна семантическая интерпретация их теорий, но она создается не только и не столько самими учеными, и не только путем обобщения научных категорий. Именно философ и историк науки и культуры проводит эту работу (а также ученый класса Л.Выготского или М.Бахтина), разыскивая, идентифицируя и систематизируя универсалии, находя между ними корреляции и устраняя противоречия. Общие представления оттого и общи, что являются результатов обобщающего, категориального мышления.

Часть этой работы делается стихийно, благодаря коллективным усилиям всей культуры, но последний штрих принадлежит конкретному автору, который тем не менее представляет всю картину обществу под видом собственной саморефлексии последнего. Гомер и Гесиод познакомили греков с их богами; Эсхил, Шекспир и Гете подарили европейцам их героев; Чехов, Толстой, Достоевский сформировали русское национальное самосознание. Но именно Гоббс создал интегральную картину государства, управляемого общественным договором, Маркс сформулировал представление об общественно-экономических формациях, а Хабермас выдвинул идею коммуникативного дискурса как универсального контекста социального действия⁹. Тем самым Гоббс задал основные параметры социальной картины мира для XVII–XVIII вв. даже при вариациях, которые вносили Локк и Руссо; влияние и Гоббса, и Маркса ощутимо и сегодня, а Хабермасу мы обязаны обобщенным проективным и перспективным представлением о демократическом обществе и государстве. Когда В.С.Стёпин пишет о двух уровнях рефлексии по поводу культурных универсалий, то он фактически показывает, как в этом процессе научные и вненаучные представления взаимодействуют друг с другом. Обыденный опыт, повседневное сознание, естественный язык являются неизбежными компонентами социальной картины мира, даже если она претендует на научность (исчерпывающая научность, впрочем, недостижима ни в каких науках).

Вопрос В.Г.Федотовой по поводу механизмов изменения ценностей как смены социокода относится к той части социальной картины мира, которая дана В.С.Стёпиным только в наброске. Речь идет о том, что наряду с доминирующей и даже интегральной картиной мира в социуме существуют картины мира малых групп или даже отдельных личностей (в этой связи мной введено понятие «индивидуальная культурная лаборатория»). Здесь возможна и аналогия с отношением между общенаучной и специальными картинами мира в естествознании. Разница в том, что многообразие универсальных и локальных картин в обществе не коррелирует с многообразием социально-гуманитарных дисциплин. Не уверен, что сегодня есть смысл в акцентировании фрагментации естествознания с помощью понятия «специально-научная картина мира» (физическая, биологическая и пр.). Скорее, мы имеем дело с

конкуренцией ряда глобальных картин (эволюционистской, синергетической, сетевой и пр.), каждая из которых уже предполагает определенный междисциплинарный синтез (не без участия и социально-гуманитарного знания). Сегодня все в большей степени выясняется, что «специальные социальные картины мира» (политическая, экономическая, лингвистическая, психологическая) малопродуктивны, а метафоры типа «homo economicus» себя в целом исчерпали. Экономика пронизана политикой, коллективной психологией и языком не менее, чем психология нагружена обыденными метафорами, экономическими интересами и политическими пристрастиями. Принципиальная междисциплинарность всякого социального исследования и, следовательно, социальной картины мира – тот факт, который постепенно осознается и применительно к естествознанию, где идея «уровней реальности» уже утрачивает всякий кредит доверия (осознается подвижность границ между живым и неживым, сознанием и психикой, развитием и саморазвитием). Отсюда вытекает идея механизма изменения ценностей, которые в рамках доминирующей картины мира по определению сохраняют стабильность. Глобальные структуры направлены на самосохранение, источник же изменений – это деятельность малых групп, локальные формы сознания и коммуникации. Можно в качестве примера сослаться на ту оживленную динамику религиозной жизни, которая возникает в обществе под воздействием сект и иных нетрадиционных типов религиозности. Это, кстати, доказывает, что религия отнюдь не всегда является источником социальной стабильности (здесь можно поспорить с В.С.Стёпиным), да и история реформации-контрреформации хорошо известна. Аналогично обстоит дело и в науке. В эпоху Птолемея гелиоцентризм вовсе не был забыт; Гарвей и Парацельс работали в условиях доминирования представлений Гиппократ-Галена; в XVIII в., в условиях господства механицизма возникает движение немецкого романтизма, в котором идет альтернативное осмысление электричества и магнетизма. Перенос социальных идей и ценностей, «прививки», о которых говорит В.С.Стёпин, становятся возможными в условиях коммуникации, которая идет снизу, от малых групп, к государственным структурам. Людовик Святой и Карл Великий, Иван Грозный и Петр Первый, Наполеон и Бисмарк, Черчилль и Рузвельт – фигуры прошлого. Образы политических деятелей по

мере ускорения общественного развития столь же стремительно утрачивают всякую харизму, а значение личности в истории растет не по Толстому, а по Чехову. Социальная динамика оказывается продуктом всепроникающей коммуникации, о которой пишут Ясперс и Луман и которая, по идее Хабермаса, призвана приобрести форму рациональных переговоров. Когда сегодня рассуждают о моторе модернизаций и инноваций, то едва ли не главной задачей оказывается создание «коммуникационных площадок», где разные социальные группы (чиновники, предприниматели, ученые, инженеры) могли бы согласовывать как свои насущные интересы, так и языки, или локальные «картины мира».

Есть основания полагать, что идеи Вячеслава Семеновича воспримут не только ученые-гуманитарии, а возможная роль философии и методологии на таких площадках (локальных центрах публичного пространства) будет признана хотя бы отчасти.

Заключение

Традиционная социология знания оставляла за пределами своего внимания то, как *формируются* социальные структуры науки – институты, организации, дисциплины, сообщества – подобно тому, как классическая эпистемология не слишком интересовалась *процессом развития* знания. Современная социальная эпистемология исследует развитие знания в контексте формирования соответствующих социальных структур. При этом познание понимается не как «естественноисторический процесс», но как форма социального конструирования сознания и реальности. Динамическая онтология социальных конструкторов и культурных универсалий дает ключ к адекватной реконструкции познавательных ситуаций, социально-философская позиция рефлексии становится неотъемлемым элементом теории познания, а способы порождения знания в свою очередь высвечивают механизмы создания социальной реальности.

Примечания

- ¹ *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 285.
- ² *Касавин И.Т.* Эпистемология и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. № 2.
- ³ *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 518.
- ⁴ *Heintz Ch.* (Ed.) Studies in Cognitive Anthropology of Science // J. of Cognition and Culture. 2004. № 4(3–4). Thematic issue.
- ⁵ *Origgi G., Sperber D.* Evolution, communication and the proper function of language // Evolution and the Human Mind / P.Carruthers, A.Chamberlain (eds.). Cambridge, 2000. С. 140–169.
- ⁶ *Sperber D.* On anthropological knowledge. Cambridge, 1985; см. также его выступление «Reservations about “consistency” and “balance”» и полемику по нему на сайте www.interdisciplines.org.
- ⁷ *Касавин И.Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопр. философии. 2010. № 4.
- ⁸ [*Касавин И.Т.*] «Круглый стол» по книге В.С.Стёпина «Цивилизация и культура» // Вопр. философии. 2010. № 11.
- ⁹ *Касавин И.Т.* Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 5–16.

References (transliteration)

- Heidegger M.* European Nihilism // The Problem of Man in Western Philosophy. Moscow, 1988. P. 285.
- Kasavin I.* Epistemology and the Idea of Interdisciplinarity // Epistemology & Philosophy of Science. 2004. № 2.
- Mirsky E.* Interdisciplinary Studies // New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, 2001.
- Heintz Ch.* (Ed.) Studies in Cognitive Anthropology of Science // J. of Cognition and Culture. 2004. № 4(3–4). Thematic issue.
- Origgi G., Sperber D.* Evolution, communication and the proper function of language // P.Carruthers. A.Chamberlain (eds.). Evolution and the Human Mind. Cambridge, 2000.
- Kasavin I.* Interdisciplinary Research: On its Concept and Typology // Problems of Philosophy. 2010. № 4.
- Sperber D.* On anthropological knowledge. Cambridge, 1985.
- Kasavin I.* Discourse Analysis as an **Interdisciplinary Method of Humanities** // Epistemology & Philosophy of Science. 2006. Т. 10. № 4.
- Kasavin I.* 2013 (co-auth.) “Round Table” on V. Stepin’s book “Civilization and Culture” // Problems of Philosophy. № 11.